

УДК 327

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

А.М. Акматалиева

Рассмотрена проблема смены мирового порядка, которая происходит за счет противостояния России и Запада, а также за счет формирования новых центров сил, однако силы, способной заменить американское господство, пока еще нет.

Ключевые слова: новый мировой порядок; американское господство; многополярный мир.

ISSUES OF FORMATION OF THE NEW WORLD ORDER

A.M. Akmatolieva

It is considered the problem of change of the world order which occurs due to opposition of Russia and the West, and also due to formation of the new power centers, although there is not yet a power which can replace the American domination.

Key words: new world order; American domination; multi-polar world.

Новый мировой порядок, окончательно сложившийся после терактов 11 сентября и последовавшей военной операции в Афганистане и Ираке, не только изменил политический дискурс мировой политики, но и стал формировать новую архитектуру международных отношений.

С одной стороны, это ознаменовалось формированием широкой антитеррористической коалиции во главе с США, объединившей практически все государства мира, что стало беспрецедентной солидарностью, проявленной как со стороны бывших конкурентов США, так и со стороны их постоянных союзников. Борьба с международным терроризмом сама по себе стала главной задачей на повестке дня нового тысячелетия. С другой стороны, исключительность американского господства в мире стала вызывать критику со стороны укрепляющих свои позиции новых держав, стремящихся к многополярности и исключительной роли ООН, чьи резолюции игнорировались Вашингтоном. И, наконец, война в Ираке стала неким водоразделом в трансатлантических отношениях, что говорит о желании ЕС наращивать собственную мощь и укреплять европейскую безопасность за счет собственного потенциала с претензией стать самостоятельным актором международной безопасности. Однако международный финансовый кризис не только ослабил отдельные страны ЕС, но и дал возможность евроскептикам и ультра-националистическим силам занять до-

минирующее положение в ведущих государствах старого света. Противостояние России и Запада по украинской проблеме и Крыму носит не прекрyто агрессивный тон, меняя прежний мировой порядок на новый. Сейчас американское господство девальвируется в контексте экспорта демократии и “цветных революций”, порождающих новые очаги нестабильности и вызывая рост антиамериканских настроений в мире.

Категория “новый мировой порядок” в истории международных отношений использовалась не раз, каждый раз обозначая новый расклад баланса сил в мире и международный режим. Так, формирование Лиги Наций после Первой мировой войны стало символом новой эпохи объединения коллективных усилий на основе обсуждения и принятия решений относительно глобальных вопросов человечества ради сохранения мира на земле. Работа Х.Ж. Веллса “Новый мировой порядок” (1940), переизданная в 2007 году, стала классической, в ней освещается неизбежность модели объединенного мира без войны, основанного на законе и порядке и управляемого единым мировым правительством.

При создании ООН категория “новый мировой порядок” широко не использовалась в политическом дискурсе и только в контексте формирования Бреттон-Вудской системы стала обозначать новую международно-экономическую систему. В контексте холодной войны категория “новый ми-

ровой порядок” стала широко использоваться политиками и исследователями. М. Горбачев в своей речи от 7 декабря 1988 года на Генеральной Ассамблее использовал ее в контексте задач ООН, создания системы коллективной безопасности, вопросов диспропорционального развития Севера и Юга, отказываясь от идеологизации отношений между государствами и призывая их к плюрализму, толерантности и сотрудничеству. Его речь сравнивают с 14 пунктами В. Вильсона, Ф. Рузвельта и У. Черчилля об Атлантической хартии и в целом представляют как лидера, озвучившего новые правила нового мирового порядка с сокращением стратегического вооружения – ОМП и количеством войск в Восточной Европе. В период войны в Персидском заливе Дж. Буш-старший часто использовал риторику М. Горбачева относительно формирования нового мирового порядка совместными усилиями с СССР.

11 сентября 1990 года президент США произнес речь “На пути к новому мировому порядку”, где обозначил миссию Штатов возглавить и вести мир по пути правления закона, сокращения использования военного оружия, сотрудничества с СССР для решения глобальных вопросов, усиления роли ООН в мире. Однако на практике некоторые аналитики увидели в речи президента стремление США стать единственной супердержавой в контексте внутреннего коллапса политической системы СССР. Однополярный мир, сложившийся после холодной войны, ознаменовал идеологическую и политическую победу либерального мировоззрения с капиталистической системой как некую конечную модель человечества, как об этом писал Ф. Фукуяма. Однако желание установить свое господство в мире и оставаться единственной супердержавой, высоко оценивая свой потенциал (экс-госсекретарь США М. Олбрайт (1997–2001) охарактеризовала это как *indispensable nation* – незаменимая, или исключительная, нация), встретило желание других акторов установить многополярность в мире.

С. Хантингтон в 1999 году в статье *The Lonely Superpower* утверждает, что новый миропорядок представляет собой странный гибрид – *uni-multipolar world*, т. е. одна супердержава с несколькими державами, где супердержава может предпринимать какие-либо действия по ключевым вопросам глобальной политики, но вместе с несколькими державами, а также блокировать действия других акторов [1]. Вместе с тем автор утверждает: время, когда США могли навязывать свою волю другим акторам, прошло, и наступило время, когда Вашингтон использует два “инструмента принуждения” – экономические санкции и военные операции. Как справедливо отмечает С. Хантингтон, экономические санкции не

всегда эффективны, поскольку требуют солидарности других держав, и не всегда в интересах самих Штатов, и отказ от их введения становится символом американской слабости, а с другой стороны, военные интервенции требуют согласия членов Совета ООН, а также коалиционной поддержки и “дополнительных” жертв. Отсюда очень часто США остаются в одиночестве и вынуждены говорить от имени международного сообщества. Так или иначе, но после терактов 11 сентября президент США открыто призывал мир однозначно разделиться на два лагеря – быть либо с Америкой, либо с террористами, демонстрируя волю и стремление решительно и активно защищать свои национальные интересы путем превентивных ударов. Однако большинство государств, поддержавших усилия коалиции, остались при этом с разными интересами и противоречивыми взглядами на мир. В результате в риторике Дж. Буша-младшего категория “новый мировой порядок” стала реже использоваться после начала операции в Ираке – из-за очевидности раскола среди трансатлантических партнеров, а также внешнего мира, где антиамериканизм все больше набирал своих сторонников.

Примерно в это же время Зб. Бжезинский задается вопросом выбора между “мировым господством” и “глобальным лидерством”. Стратегическое партнерство Китая и России он считает основанным, прежде всего, на “антигегемонии”, “лидерство предполагает определение лидером того направления, которое позволяет мобилизовать других. Власть ради самой власти, доминирование ради увековечения этого доминирования не могут привести к устойчивому успеху. Доминирование само по себе ведет в тупик. В конечном счете, оно мобилизует оппозицию, в то время как его высокомерие порождает самообман и историческую слепоту. <...> Перспективой человечества в ближайшие два десятилетия станет либо устойчивое движение к сообществу взаимных интересов или ускоряющееся падение в пучину глобального хаоса. Принятие другими американского лидерства является непременным условием избегания хаоса” [2, с. 273–274]. Помимо этого, автор считает, что США не утратят своей мощи в ближайшее время, по крайней мере до 2025 года [3, с. 7].

Такое категоричное видение будущего международных отношений подтолкнуло других авторов искать замену “незаменимой нации” в лице Китая и блока БРИКС. Помимо роста антиамериканизма в мире, ощутимый рост Китая дал основание говорить о спящем тигре, способном заменить американское господство и даже о начале нового мирового порядка в контексте экономического кризиса в государствах ЕС и США, а следовательно, о неспособности западного мира больше конку-

рировать с растущими рынками азиатских стран, а самое главное о кризисе либеральной системы ценностей. Китайская ползучая экспансия, демографический потенциал и, наконец, китайский рынок симулякров давно беспокоит западные рынки, однако говорить о глобальном господстве Китая преждевременно.

Так, согласно Дж. Наю, американская политика мягкого измерения *soft power* основывается на Голливуде, Майкрософте, Гарварде и М. Джордане. А политика жесткого измерения *hard power* – на военной и экономической мощи. В этом отношении действительно американскую мощь пока не сможет заменить ни одна держава, включая Китай. Представление мира в виде шахматной доски позволяет проиллюстрировать картину мира, на которой сверху находится военное поле с лидирующей ролью США, ниже экономическое поле с несколькими державами и, наконец, внизу – поле транснациональных отношений, за рамками государственного контроля [4].

Понятия гегемонии и упадка/снижения могущества автор связывает больше с психологией восприятия, разделяя реальное снижение от циклов могущества. Дж. Най также говорит о том, что Китаю еще далеко до того момента, когда он сможет сменить американское господство в мире из-за последствий демографической политики, отсутствия демократических принципов управления, регионального неравенства в развитии и возмущения этнических групп. Более того, чем больше люди будут развивать свое благосостояние, тем больше требование либерализации будет увеличиваться, к чему китайское руководство еще не готово. Помимо внутренних факторов развития Китая, внешние акторы, такие как Индия и Япония, будут стремиться поощрять американское могущество в противовес китайскому. Отсюда США вместе с Японией, Индией, Австралией могут задавать условия, в рамках которых будут формироваться национальные интересы Китая и его геополитические возможности.

М. Жак, напротив, утверждает, что именно глобальный финансовый кризис приведет к смещению западного лидерства, в частности лидерства США, в сторону китайского. Практически на протяжении двух веков Запад имел особые отношения с остальным миром – сначала в форме колониальных отношений, потом уже с постколониальными государствами. Китай все еще остается относительно западных государств бедным государством, и именно отсутствие потенциала *soft power* может тормозить господство Китая в мире. Однако экономический рост может стать источником распространения культурной и идеологической политики Китая [5, p. 22–27]. Как утверждает автор, для того

чтобы стать супердержавой, государство должно быть в состоянии “развивать всестороннюю способность вести, оказывать влияние, привлекать, подчинять, убеждать, наказывать и поощрять другие государства; быть способным определять видение/модель мира, которую другие будут готовы принять, либо добровольно или принудительно, с признанием государства в качестве супердержавы и своей подчиненной позиции” [5, p. 24].

Эта комбинация господства, основывающаяся на экономической, военной, политической и культурной мощи, грандиозные мероприятия, такие как Олимпиада-2008, Шанхай Экспо-2010, растущее число международных каналов по CCTV и сотни Институтов Конфуция по всему миру, продвижение китайского языка, сотни блокбастеров, свидетельствуют о растущей культурной политике КНР. Космическая программа Китая также позволяет быть в тройке по потенциалу среди космических держав. Была построена и запущена первая орбитальная станция (2011 г.), произведена стыковка, КНР является вторым государством по количеству космических запусков и имеет национальную спутниковую систему Бэйдоу с окончательным запуском на полную мощность к 2020 году.

Однако есть и процессы особой чувствительности, такие как 3-Т синдром – Тибет, Тайвань и Тяньаньмэнь. Широкая безграмотность и система фильтрации сайтов “Великая стена”, сложная экологическая ситуация и демографическая диспропорция полового представительства в КНР могут тормозить господство Китая.

Многие аналитики говорят о Китае как об удивительном сочетании капитализма и коммунизма, однако, как справедливо отмечает Дж. Нейсбит, “тут не выбор между двумя системами и не сочетание обеих. Китай определенно не является коммунистической страной, которая медленно сбрасывает с себя один слой коммунистической идеологии за другим, собираясь облачиться в капиталистический наряд западного образца” [6, с. 17].

В риторике президента Б. Обамы стала часто использоваться политика *smart power* (умная сила), это не только политика по использованию софт- и хард-инструментов, но и возможность расширения возможностей привлечения других игроков на сторону Америки без принуждения. Согласно Дж. Наю, идеализм – это источник софт-политики, а реализм – источник хард-политики, либеральный реализм должен стать источником формирования американской политики [7], благодаря которому США смогли бы сохранить свою позицию глобального игрока номер один.

Таким образом, в ближайшее десятилетие преимущество США в военно-политической сфере будет сохраняться и, безусловно, подкрепляться smart-политикой. Это сочетание позволит США сохранять свое доминирующее положение в международных отношениях при наличии других не менее сильных центров сил, с которыми Вашингтон вынужден будет считаться. Так, если в 2007 году В. Путин предложил пересмотреть глобальную архитектуру безопасности в своей Мюнхенской речи [8], то уже в 2014 году он констатировал “смену мирового порядка” во время дискуссионного клуба “Валдай” [9]. Смена мирового порядка происходит за счет противостояния России и Запада, а также за счет формирования новых центров сил, но пока еще нет силы, способной заменить американское господство. Так, если опираться на отчет Stratfor на 2015–2025 годы, то в ближайшее десятилетие неизменной останется только власть США, многие регионы мира будут нестабильными, а мир более хаотичным, намечаются новые центры силы, такие как Польша, Турция и Япония. По мнению аналитиков Stratfor, наступившая “эпоха упадка национальных государств” приведет ЕС и РФ к раздробленности и существованию в более ограниченной форме, а Китай перестанет быть катализатором экономического роста, уступив место группе “16 пост-китайских государств” – большая часть Юго-

Восточной Азии, Восточная Африка и часть Латинской Америки [10].

Литература

1. *Huntington S.* The Lonely Superpower / S. Huntington // *Foreign Affairs*. 1999. Vol. 78, № 2. P. 35–49.
2. *Бжезинский Зб.* Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / Зб. Бжезинский. М., 2005.
3. *Бжезинский Зб.* Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / Зб. Бжезинский. М., 2013.
4. *Nye Joseph.* Twenty-First Century Will Not Be a “Post-American” World / Joseph Nye // *International Studies Quarterly*. 2012. Vol. 56. P. 215–217.
5. *Jacques Martin.* The beginning of a new world order / Martin Jacques // *New Statesman*. 4/23/2012. Vol. 141.
6. *Нэйсбит Джон и Дорис.* Китайские мегатренды / Джон и Дорис Нэйсбит. М., 2012. С. 17.
7. *Nye Joseph, Armitage Richard.* Smart power / Joseph Nye, Richard Armitage // *American Interest*. 2007. Vol. 3. P. 34–41.
8. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности В. Путина от 10 февраля 2007 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>
9. Заседание дискуссионного клуба “Валдай” от 24 октября 2014 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46860>
10. Decade forecast 2015–2025. URL: <https://www.stratfor.com/forecast/decade-forecast-2015-2025>